

Шапка юродивого, или Трилиственник... Соч. Зотова

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 2. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1838 -- январь 1840.

Ред. Н. К. Гей. Подготовка текста В. Э. Бограда. Статья и примеч. В. Г. Березиной.

М., "Художественная литература", 1977.

[OCR Бычков М. Н.](#)

ШАПКА ЮРОДИВОГО, ИЛИ ТРИЛИСТВЕННИК. Исторический роман из времен Елисаветы и Екатерины. Соч. Зотова. Москва. В тип. Августа Семена, при императорской Медико-хирургической академии. 1839. Три части, в 12-ю д. л. В 1-й части 266, во 2-й 298, в 3-й 256 стр.

Что это за миленькие три книжечки, так красиво и изящно изданные? Кто это является перед публикою так опрятно и щегольски разодетый?.. Ба! да никак уже это почтеннейший г. Зотов -- тот самый, который, в числе десяти литераторов, недавно явился перед публикою в таком изящном виде?..¹ Странная метаморфоза! А это точно он... Вот его неподражаемый слог, его пламенное красноречие, его глубокомысленные рассуждения, его смелые и резкие очерки характеров и происшествий... "Шапка юродивого, или Трилиственник" -- какое заманчивое, полное таинственности заглавие!.. И однако ж с горестию в душе и сокрушенным сердцем должно сказать, что это название, обещающее тьму чудес, очень досадно обманывает так искусно возбужденное любопытство читателей. "Трилиственник", например, совсем не какая-нибудь волшебная трава, вроде "Иванова цвета": из этого трилиственника даже нельзя сделать порядочной настойки читателям и почитателям неподражаемого таланта знаменитого г. Зотова. Видите ли: жили трое приятелей, связанных такою неразрывною дружбою, что их прозвали "трилиственником", а у приятелей было по сыну, которые опять жили так дружно, что и их прозвали "трилиственником". Теперь сами судите, можно ли что сделать из этого "трилиственника". Теперь, что такое "шапка юродивого"?.. О, это вещь, которую могло изобрести только пламенное и фантастическое воображение г. Зотова! Видите ли, в чем дело: одного из приятелей звали Александром Петровичем, а сына его Гришею. Отец назначал его в духовное звание, но Гриша вымолил, или, лучше сказать, выцеловал у отца позволение пойти в военную службу. Между Смоленском и Петербургом шатался один юродивый, которого звали Гришею и считали вдохновенным и который предрек, что Гриша будет фельдмаршалом, а для большей уверенности в действительности предсказания надел на него свою шапку -- и вот вам "шапка юродивого". Сам отец Гриши, подгулявши раз с приятелями, увидел во сне сына своего фельдмаршалом. Этот Гриша -- Григорий Александрович Потемкин, "великолепный князь Тавриды"...² Г-н Зотов изобразил Потемкина такою могучею и широкою кистию, что, вероятно, тень великого вострепетала от радости, а тени других великих от горести, что не им достался завидный удел попасть под чудотворный резец почтеннейшего г. Зотова. Впрочем, из широкого очерка автора "Шапки" мы узнаем о Потемкине только то, что он боялся отца как огня, беспрестанно целовал у него руки и, стоя перед ним навытяжку, на обещание отца высечь его, приговаривал: "Воля ваша", потом пил и кутил и в офицерском обществе отпускал остроты и шуточки, какие только могли прийти в голову г. Зотову. Да и герой романа совсем не Потемкин, хотя "шапка юродивого" и принадлежит ему по всем правам, а какой-то Егорушка Л--ской, очень образованный, весьма чувствительный и отлично великодушный капитан армии и друг детства Потемкина. Этот Егорушка, имея слишком чувствительное сердце, несколько раз влюблялся в *россианок*, а один раз влюбился насмерть в немку-графиню, с которой, по преодолению многих препятствий, и сочетался "законным браком". Сперва Егорушка сделался известным, в семилетнюю войну, Румянцеву, потом Фридриху Великому, далее Петру III и Екатерине Великой. Разговоры и тонкое, политическое обращение с лицами романа обличают в г. Зотове человека, знающего высший тон, и глубоко понявшего, что такое "галантерейное обращение"³. Особенно мастер г. Зотов изображать высокую платоническую любовь. Когда капитан Егорушка Л--ской стоял с своею ротою в замке графа Каленгейм и расположился "обожать" дочь его, графиню Анну, то имел с нею преудивительные объяснения. Так, например, однажды он завел с нею речь о русской парной бане, и как она изъявила особенное любопытство касательно этого, действительно очень интересного предмета, то он, с свойственною ему ловкостью, и имел честь объяснить ей, как парятся русские мужики и бабы, "хлеща себя березовыми прутьями с листьями". Теперь, благодаря г. Зотова, мы знаем, что с "обожаемою